ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2010, № 4, с. 111–114

О ПРАВЕ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2010 г. А.А. Ефимович[1]

Утверждение демократических начал в общественном укладе России, идеи построения гражданского общества и правового государства потребовали реформирования отечественной правовой системы, в том числе и в сфере уголовно-правового регулирования общественных отношений. Возникла необходимость создания принципиально иного Уголовного кодекса, базирующегося на новой концепции уголовного законодательства. "В этой концепции, как отмечает один из ее разработчиков А.Н. Игнатов, – указывалось, что новое уголовное законодательство должно по-новому определить задачи и принципы уголовного права, последовательно провести в жизнь в сфере уголовного права приоритетность общепризнанной правовой системы ценностей, освоить отечественный и зарубежный опыт и достижения российской правовой мысли, обеспечить криминологическую обоснованность всех положений уголовного законодательства"[2]. В новом Уголовном кодексе России, с одной стороны, должны были найти свое отражение и закрепление принципы уголовной политики государства, целью деятельности которого является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. С другой – новый Уголовный кодекс должен был создаваться на основе научно прогнозируемых тенденций преступности пореформенной России.

Десятилетняя практика применения нового УК РФ показала, что реальная криминогенная обстановка в государстве не всегда адекватно оценивалась уголовным законодательством. Это либо приводило к запоздалой реакции государства на негативные явления в развитии общественных отношений, требовавших уголовно-правовой регламентации, либо влекло за собой принятие государством решений, криминологическая обоснованность которых подвергалась справедливой критике.

Можно констатировать, что на волне демократических преобразований в России в действующее уголовное законодательство были внесены или, наоборот, утратили силу без достаточных к тому оснований те или иные нормы Закона. Сказанное в полной мере относится и к положениям ст. 37 УК РФ, закрепляющей право необходимой обороны. Несмотря на внесенные в эту норму изменения и дополнения (от 14 марта 2002 г.; от 8 декабря 2003 г., от 27 июля 2006 г.), она по-прежнему является несовершенной, потому что в ней не решенной остается проблема пропорциональности, сбалансированности, согласованности интересов частного лица, общества и государства в соответствии с представлениями мирового сообщества о демократии.

Выражая идею верховенства прав и свобод человека в демократическом обществе, норма о необходимой обороне предоставляет обороняющемуся лицу чрезвычайные полномочия по поводу отражения посягательства, угрожающего его жизни. Предполагалось, что вследствие этого пределы необходимой обороны будут расширены. Однако, отойдя от понимания необходимой обороны как действия, осуществляемого в границах соответствия мер защиты характеру и опасности посягательства, законодатель тем самым не только нарушил принцип пропорциональности, согласованности интересов личности, общества и государства, но фактически сузил и пределы самого права на необходимую оборону. За пределами такого права остаются, например, посягательства на здоровье, половую неприкосновенность, посягательства на чужое имущество в форме грабежа и разбоя, которые не могут оцениваться, исходя из требований ч. 1 ст. 37 УК РФ, так как формально сопряжены с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, хотя фактически зачастую могут восприниматься и как угрожающие жизни.

Ныне действующая в УК редакция нормы о необходимой обороне, не относясь к обороне как к правомерной защите, а определяя ее как не являющееся преступлением причинение вреда посягающему лицу, тем не менее, закрепляет приоритетность содержания перед формой. Так, признавая за правом на жизнь его неотъемлемый и неотчуждаемый характер, ч. 1 ст. 37 УК РФ в целях защиты этого права допускает причинение посягающему лицу любого вреда, включая лишение жизни, без каких бы то ни было на это оговорок и ограничений. Вопрос о соответствии мер защиты характеру и опасности посягательства в этом случае не встает. Л.Л. Кругликов комментирует ч. 1 ст. 37 УК РФ следующим образом: "Если же посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, причинение любого вреда посягающему правомерно и не может быть признано преступлением"[3].

Представляется, что в данном случае более правильной является как раз точка зрения правоприменительной практики. Обращая внимание на соответствие мер защиты характеру и опасности посягательства независимо от объекта посягательства, правоприменительная практика не только не ограничивает право обороны, но и придерживается взгляда на оборону как на действие, не более чем абсолютно необходимое. Такой взгляд на оборону вполне отвечает требованиям ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Лишение жизни в этой норме не рассматривается как совершенное в ее нарушение, если оно является результатом применения силы, не более чем абсолютно необходимой, в том числе и для защиты любого лица от незаконного насилия"[4]. Причем практика Европейского суда не допускает расширительного толкования данной статьи. С позиций Европейского суда лишение жизни во всех случаях, регламентированных ст. 2 Конвенции, должно рассматриваться исключительно как мера, не более чем абсолютно не-

---

[1] Старший преподаватель кафедры правоведения и политологии Братского государственного университета, аспирант Байкальского государственного университета экономики и права.

[2] *Игнатов А.Н.* Уголовный кодекс РФ за 10 лет применения // Росс. юстиция. 2006. № 6. С. 7.

[3] *Кругликов Л.Л.* Не обошлось без ошибок // Росс. юстиция. 2006. № 6. С. 15.

[4] Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2002. С. 562.

обходимая. Только такой подход позволяет сформулировать общую концепцию возможного ограничения прав и свобод человека в демократическом обществе. Что касается требований ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, то, согласно ст. 15 Конвенции, они в целом не должны нарушаться даже во время войны или иного чрезвычайного положения[5]. В решении Европейского Суда по делу "Макканн против Соединенного Королевства" от 27 сентября 1995 г. на этот счет указывается следующее: "Нужно также иметь в виду, что статья 2 не только защищает право на жизнь, но и излагает обстоятельства, при которых лишение жизни может быть правомерным; это одна из основополагающих статей Конвенции… Толкование норм, содержащихся в этой статье, должно быть ограничительным"[6]. Комментируя данное решение Европейского Суда, С.В. Пчелинцев приходит к выводу о том, "что за исключениями, непосредственно предусмотренными редакцией пункта 2 самой статьи 2 Конвенции, отступления от ее положений в обычной обстановке не допускаются вообще, а при применении статьи 15 Конвенции такая возможность (не предусмотренная для обычной обстановки) появляется лишь при рассмотрении случаев гибели людей в результате правомерных военных действий. В остальном отступления от положений статьи 2 Конвенции недопустимы даже в условиях действия особых правовых режимов"[7].

С позиций концепции возможного ограничения прав и свобод человека в демократическом обществе следует толковать и положения ч. 1 ст. 37 УК РФ. Толковать ограничительно, распространяя требование о соответствии мер защиты характеру и опасности посягательства и на посягательства, угрожающие жизни обороняющегося лица или жизни других лиц.

Думается, что существующее противоречие между содержанием обороны, как правомерной защитой и ее правовой формой как не являющейся преступным действием должно получить прежде всего конституционное разрешение. Это вытекает из требований ч. 2 ст. 1 УК РФ, устанавливающей, что УК основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. В части регулирования права граждан на оборону принципиальное значение имеют следующие положения Конституции России.

Во-первых, это объявление прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью и возложение на государство обязанности по поводу признания, соблюдения и защиты этих прав (ст. 2 Конституции), что соответствует представлению мирового демократического сообщества о принципе всеобщего уважения прав человека как основополагающей императивной норме международного права.

Во-вторых, признание основных прав и свобод человека неотчуждаемыми и принадлежащими ему от рождения, что обусловливает естественное право каждого на жизнь, здоровье, свободу, личную неприкосновенность, собственность (п. 2 ст. 17 Конституции). Это также положения ст. 18 Конституции, закрепляющие непосредственное действие прав и свобод человека, их определяющее значение при принятии и применении законов; обеспечивающие права и свободы человека правосудием. По сути, в данной конституционной норме определен юрисдикционный механизм реализации неотчуждаемых прав человека в демократическом обществе. Элементами такого механизма являются: прямое действие прав и свобод человека, что не требует для их практического применения издания каких-либо специальных нормативных актов; неукоснительное соблюдение прав и свобод человека как критерий оценки правотворческой и правоприменительной деятельности; реальное обеспечение прав и свобод человека правосудием, т.е. возможность своевременного, беспрепятственного, эффективного доступа к нему.

Для реализации права граждан на необходимую оборону важное значение имеют и положения ст. 45 Конституции РФ, где наряду с гарантией государственной защиты прав и свобод человека закрепляется возможность их самозащиты. Допуская защиту прав и свобод человека всеми способами, не запрещенными законом, Конституция этим самым устанавливает, что кроме способов, непосредственно предусмотренных законом, права и свободы человека могут быть защищены и способами, прямо законом не запрещенными, т.е. закрепляется дозволительный, а не разрешительный порядок защиты прав и свобод человека. В практическом применении это должно означать, что если действия обороняющегося лица адекватны характеру и опасности посягательства и не выходят за необходимые пределы, то ни мотивы этих действий, ни их цель не имеют значения для признания обороны правомерной. Значение, таким образом, имеет лишь соблюдение требования уголовного закона о соответствии защиты характеру и опасности посягательства. В этой связи внимания заслуживают конституционные нормы, устанавливающие пределы реализации прав и свобод человека и допустимые ограничения данных прав в демократическом обществе.

Так, согласно п. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. А в соответствии с п. 3 ст. 55 Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом важно отметить, что ограничение прав и свобод человека на национальном уровне возможно и вследствие требований норм международного права, приоритетное значение которых перед нормами права внутригосударственного закреплено в п. 4 ст. 15 Конституции. Таким образом, исходя из установлений рассмотренных выше конституционных норм, уголовное законодательство о праве необходимой обороны должно учитывать следующие моменты.

Прежде всего право на оборону – это естественное, неотчуждаемое право каждого человека, принадлежащее ему от рождения, и поэтому осуществление такого права не должно ставиться в зависимость от каких бы то ни было идеологических соображений. В силу своей естественной природы оборона есть не просто действие, не являющееся преступлением, а правомерное действие. И правомерна оборона не потому, что разрешена уголовным законом, а постольку, поскольку осуществляется в пределах, не противоречащих закону.

Наряду с этим оборона – действие необходимое, крайнее средство защиты нарушаемого права. Из этого следует, что, несмотря на свою естественную природу, право необходимой обороны в демократическом обществе есть все же вынужденная уступка государства в пользу частного лица. Вынужденность такой уступки обусловлена невозможностью обеспечения государством защиты прав и интересов каждого лица и при этом в любое время, в любом месте и от любых нарушений. По этой же причине оборона и осуществляться

[5] См.: там же. С. 566.

[6] Цит. по: *Пчелинцев С.В.* О возможных ограничениях прав и свобод граждан. Из практики Европейского Суда по правам человека // Росс. юстиция. 2006. № 11. С. 69.

[7] Там же.

должна для защиты частных интересов, как это имеет место в уголовном законодательстве развитых демократических государств. Применение необходимой обороны для защиты общественных и государственных интересов не вытекает из естественного права человека на оборону, но обусловлено сформировавшимся в советское время представлением об обороне как общественно полезной деятельности и моральном долге советского человека. Необходимость обороны обусловливает и допустимые ограничения права обороны в демократическом обществе, т.е. обусловливает пределы реализации права на оборону. Государство, имеющее монополию на осуществление карательной функции, посредством необходимой обороны часть этой функции делегирует частному лицу. Поэтому, устанавливая пределы обороны, государство стремится к достижению разумного компромисса между собственными интересами и интересами личности и общества.

Правомерная защита, осуществляемая в рамках такого механизма правового регулирования общественных отношений, когда "все, что законом прямо не запрещено – дозволено", позволяет каждый акт обороны рассматривать не как типичный случай, но как случай особенный со всеми присущими ему индивидуальными чертами. На практике это будет способствовать преодолению несоответствия между нормой закона как общим правилом, направленным на регулирование типичных случаев, и конкретными проявлениями актов обороны, обладающими свойством уникальности. Образно говоря, этим самым преодолевается несоответствие между правдой жизни и буквой закона. При этом ст. 18 Конституции РФ требует обеспечения прав и свобод человека и гражданина правосудием, что применительно к актам правомерной обороны должно означать наличие механизма правового регулирования, учитывающего характер общественных отношений, основанных на правомерных деяниях.

В теории права механизм правового регулирования определяется как система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права[8]. Из приведенного определения следует, что правовые средства, выступая в качестве инструмента воздействия на общественные отношения, должны быть согласованы между собой как элементы целостной системы. В этом случае, во-первых, согласованность правовых средств есть отражение соответствия средств правового регулирования его целям, и, во-вторых, гарантия положительного результата. Норма же о необходимой обороне правовые средства, используемые для урегулирования общественных отношений, возникающих вследствие превышения пределов необходимой обороны, распространяет и на общественные отношения, основание которых – правомерная защита от незаконного общественно опасного посягательства. Это порождает явное несоответствие между целями и средствами правового регулирования. Так, если основной целью правового регулирования общественного отношения, основанного на факте превышения пределов необходимой обороны, является привлечение виновного лица к уголовной ответственности и назначение ему справедливого наказания, то и выбор средств правового регулирования будет подчинен этой же цели. Поэтому здесь в качестве средств правового регулирования выступают: норма о необходимой обороне в части регламентации случаев превышения пределов обороны, положения ст. 108, 114 УК РФ, соответствующие этим положениям юридические факты и уголовно-правовые отношения; субъективные права и обязанности участников таких правоотношений, а также акты правоприменения, в которых указанные права и обязанности получают свою реализацию. Отмеченные обстоятельства предопределяют и специальный уголовно-процессуальный инструментарий, адекватный норме уголовного законодательства, направленной на регулирование общественного отношения, возникшего в результате совершения виновным лицом преступления. В связи с изложенным встает вопрос: насколько пригодны средства правового регулирования, обеспечивающие цель привлечения лица, виновного в совершении преступления, к уголовной ответственности, для урегулирования общественных отношений, которым актом правомерной обороны не только не причиняется вред, но которые благодаря этому акту сохраняют возможность своего нормального функционирования?

На наш взгляд, при ответе на поставленный вопрос должны быть учтены следующие обстоятельства. Во-первых, создание механизма правового регулирования общественных отношений, основанных на актах правомерного поведения, должно быть подчинено идее построения правового государства, провозглашению принципов верховенства права, всеобщего уважения прав человека. Во-вторых, основы механизма правового регулирования общественных отношений, развивающихся в направлении "все, что законом не запрещено – дозволено", заложены уже в самой Конституции РФ. В-третьих, принцип верховенства права, с одной стороны, и принцип всеобщего уважения прав человека – с другой, как основополагающие в деятельности правового государства могут быть реализованы лишь при соблюдении баланса интересов личности, общества и государства.

В справедливости сказанного убеждает и судебная практика применения нормы о необходимой обороне. Анализ кассационной и надзорной практики применения нормы о необходимой обороне позволяет обозначить круг вопросов, которые, не найдя своего законного разрешения в суде первой инстанции, стали предметом кассационного или надзорного пересмотра дела. Нарушения, связанные с применением законодательства о необходимой обороне и в той или иной степени препятствующие реализации права на оборону, можно условно подразделить на три группы. *Первую группу* образуют нарушения, когда действия причинителя вреда квалифицировались как преступление, тогда как в действительности они имели характер действий правомерных и направленных на отражение общественно опасного посягательства[9]. В этих случаях суд кассационной или надзорной инстанции, исправляя ошибки, допущенные судом первой инстанции при оценке им фактических обстоятельств того или иного дела, не только констатировал наличие состояния необходимой обороны в действиях причинителя вреда, но и отсутствие превышения ее пределов. Показательны в этой связи судебные решения в отношении гражданки К., которая

[8] См.: *Малько А.В.* Механизм правового регулирования // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 726.

[9] См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 4. С. 17–19; 1976. № 6. С. 13; 1979. № 2. С. 26–27; № 5. С. 25. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 1. С. 11–12; 1970. № 2. С. 9–10; № 10. С. 6; 1971. № 3. С. 24; 1974. № 9. С. 14; 1975. № 3. С. 11; № 7. С. 6; 1979. № 10. С. 5; 1980. № 8. С. 9; 1982. № 2. С. 15; 1985. № 10. С. 7; 1989. № 2. С. 14; № 9. С. 4; № 12. С. 17; 1990. № 6. С. 4; № 12. С. 3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 5. С. 13–14; 1994. № 6. С. 14–15; № 9. С. 3–4; 1998. № 5. С. 17; № 6. С. 12; 2002. № 6. С. 17; 2003. № 8. С. 13–14; № 11. С. 17–18; 2004. № 2. С. 16–17.

25 января 2002 г. по приговору Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики была осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ к шести годам лишения свободы. Как следует из приговора, 20 августа 2001 г. к К. пришел ее сожитель Г. в состоянии алкогольного опьянения и начал ссору, перешедшую в драку. При этом К. с целью умышленного причинения смерти Г. из личной неприязни, возникшей в ходе ссоры и драки, нанесла ему множественные удары ножом и причинила телесные повреждения, от которых он в тот же день скончался в больнице.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики оставила приговор без изменения. Заместитель Генерального прокурора РФ в надзорном представлении поставил вопрос о пересмотре судебных решений в отношении К., переквалификации ее действий на ч. 1 ст. 108 УК РФ и освобождении ее от наказания по амнистии. Президиум Верховного Суда РФ 12 марта 2003 г. отменил приговор, кассационное определение и последующие судебные решения в отношении К., а уголовное дело прекратил за отсутствием в ее деянии состава преступления, указав следующее. Как усматривается из материалов уголовного дела, потерпевший Г., находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, придя к К., устроил ссору, стал оскорблять ее, избил, угрожал ножом, приставлял его к горлу. Из изложенного видно, что Г. совершил общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни К., и что она действовала в состоянии необходимой обороны. При этом, как указал Президиум Верховного Суда РФ, содержащиеся в надзорном представлении доводы о том, что К. могла предотвратить наступление тяжких для себя последствий другими способами и в ее действиях усматривается состав преступления – убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, не соответствуют закону[10].

Вторая группа нарушений законодательства о необходимой обороне, выявляемых в ходе кассационного или надзорного пересмотра судебных решений по уголовным делам, связана с определением круга условий правомерности необходимой обороны[11]. В этих случаях общее требование уголовного закона о соответствии мер защиты характеру и опасности посягательства наполняется конкретным содержанием. Соразмерность средств защиты характеру и опасности нападения может определяться как обстоятельствами, имеющими отношение к посягательству, так и условиями, влияющими на поведение обороняющегося лица. Вышеназванные обстоятельства, преломляясь через индивидуальные качества обороняющегося лица и обусловливая характер его действий, могут вызвать состояние аффекта как ответной реакции психики на акт посягательства[12] либо породить состояние мнимой обороны как разновидности фактической ошибки[13]. Требование оценки действий оборонявшегося лица, исходя из конкретной обстановки происшествия и фактических обстоятельств, имеющих значение для данного случая, продиктовано положениями постановления Пленума Верховного Суда СССР "О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств" от 16 августа 1984 г. Некоторые из этих положений получили свое легальное закрепление в действующей редакции ст. 37 УК РФ, в частности указание Пленума на то, что действия граждан, отражающих общественно опасное посягательство, должны оцениваться, исходя "из характера и опасности посягательства, его внезапности, интенсивности, возможности оборонявшегося по отражению нападения"[14], как закреплено в ч. 2[1] ст. 37 УК РФ.

Представляется, что такого же законодательного закрепления требуют разъяснения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. о мнимой обороне, об отражении посягательства в состоянии сильного душевного волнения. Это тем более необходимо ввиду того, что судебная практика в части оценки действий оборонявшегося лица, как совершенных им в состоянии аффекта, разноречива[15].

Третья группа нарушений права необходимой обороны имеет отношение к случаям осуждения лиц за убийства или умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, когда фактически их действия содержали состав превышения пределов необходимой обороны, что должно было влечь назначение более мягкого наказания[16].

По нашему мнению, с позиций судебной практики право гражданина на необходимую оборону возможность своего наиболее полного самовыражения получило бы при условии решения следующего круга вопросов. Во-первых, при условии легального объявления необходимой обороны правомерным действием, что подчеркнуло бы принадлежность права обороны к числу неотчуждаемых прав человека и согласовалось бы с положениями ч. 3 ст. 37 УК РФ, наделяющими правом на необходимую оборону в равной мере всех лиц. В свою очередь, легальная дефиниция необходимой обороны как правомерной защиты позволила бы инициировать процесс создания такой процедурной формы, посредством которой право обороны получило бы возможность реального обеспечения правосудием. Во-вторых, при условии единого подхода к оценке действий оборонявшегося лица, независимо от объекта посягательства. В этом случае соответствие мер защиты характеру и опасности посягательства, выступая в качестве единого критерия, применимого ко всем видам общественно опасных посягательств, будет способствовать расширению границ использования необходимой обороны, что не только не нарушит баланса прав и интересов оборонявшихся и посягавших лиц, но и предупредит возможность злоупотребления правом обороны.

---

[10] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 11. С. 17–18.

[11] См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1969. № 11. С. 10; 1990. № 6. С. 4–5; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 5. С. 13–14; № 6. С. 14–15; № 9. С. 3–4; 1995. № 6. С. 7; № 8. С. 9–10; № 9. С. 8; 1996. № 11. С. 4–6; 1998. № 1. С. 8–9; 2002. № 6. С. 17; 2004. № 2. С. 16–17.

[12] См., например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 2. С. 15; 1990. № 12. С. 3; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 2. С. 5; 1993. № 5. С. 13; 1994. № 9. С. 3; 1995. № 8. С. 9–10.

[13] См., например: Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР. 1964-1972. С. 55–56; Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 6. С. 14–15; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 5. С. 17.

[14] Сборник постановлений пленумов Верховного Суда РФ по уголовным делам. М., 1999. С. 118.

[15] См., например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 12. С. 3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 2. С. 5.

[16] См., например: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1965. № 2. С. 21–23; 1966. № 3. С. 19; 1971. № 1. С. 20; 1972. № 2. С. 39; № 1. С. 20; 1983. № 4. С. 17; 1984. № 5. С. 37; 1985. № 6. С. 14. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1968. № 2. С. 21; 1973. № 4. С. 15; 1980. № 2. С. 13; 1981. № 1. С. 4; 1985. № 2. С. 21; 1989. № 2. С. 15. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 4. С. 14; 1994. № 2. С. 14; № 11. С. 2–3; 1995. № 4. С. 7; № 6. С. 7–8; 1996. № 1. С. 15–16.